

Помощник

Повесть

1

РАННЕЙ ВЕСНОЙ, когда сошел уже снег и едва дохнуло первым теплом, к дому на окраине одного загородного поселка подъехал серебристый автомобиль. Из него вышел человек сорока восьми лет в очках и в похожем на цвет автомобиля серебристом костюме. Он остановился у ворот, на которых висела табличка «ПРОДАЕТСЯ», достал из кармана телефон и стал набирать номер. Вскоре ворота открылись и его пригласили войти.

Мужчина пробыл там какое-то время, затем вышел, сел в машину и уехал. А через несколько дней вернулся с женой и с вещами.

Они переехали из большого города далеко за город. Ему предложили новую работу на новом предприятии, которое недавно построили буквально посреди поля, и тогда они совместно решили, что лучше будет поселиться за городом, неподалеку. Тогда он продал квартиру и купил дом с обстановкой.

Дом был просторный, одноэтажный. Одинаковые квадратные комнаты переходили одна в другую, разделенные вместо дверей широкими

раздвижными перегородками, которые никто не задвигал. В доме были большие окна и добротные вещи из натуральных материалов, которые не загромождали пространство, так что везде дышалось легко.

Когда они обустроились, к ним в гости безо всякого предупреждения зашел незнакомец. Это был черноволосый юноша лет двадцати пяти, невысокого роста и довольно щуплого телосложения. Он появился как будто сам собой сразу в гостиной из какой-то боковой двери, о которой, кажется, не подозревали сами хозяева. Он увидел, что теперь в доме стало мягко и тепло, кругом было много пледов, подушек, штор, скатертей, занавесок, салфеток и ковров.

— Здравствуйте, — сказал он, улыбаясь открыто и даже как-то наивно. — Вот, пришел познакомиться. Я — Алеша.

— Да? — Муж посмотрел на непрошеного гостя с нескрываемым удивлением.

— Вы кто такой будете, простите? — За его пристальным взглядом на незнакомца читался вопрос: не кто он, но как сюда попал.

— А ведь мы с вами соседи, — сказал Алеша после того, как представился.

— Ну, вот и отлично, — ответил муж, подавая ему руку для рукопожатия, — Семен Поликарпович.

— Ага, — Алеша огляделся, — а вы неплохо устроились, как я посмотрю.

— Да, пожалуй, — ответил Семен Поликарпович.

Он незаметно начал потеть на лбу и на висках, ему сложно было определить для себя личност и поведение данного человека, он не привык к такому... хамству, нет, не хамству, наглости... нет, простоте? Пожалуй. К такой простоте. Не знал, как себя вести с ним, как себя поставить.

Жена в это время сидела за столом в гостиной, отложив то ли книгу, то ли шитье, и смотрела на Алешу, улыбаясь. Он тоже улыбнулся ей. Жена была значительно моложе мужа, и на вид ей можно было дать лет тридцать пять, не больше.

— Алеша, — представился он еще раз, приближаясь к ней.

— Познакомьтесь, это моя жена, — поспешно представил Семен Поликарпович, словно жалея, что позабыл соблюсти правила приличия, — Светлана.

Она улыбнулась в ответ.

— А ведь мне нравится ваша жена, — неожиданно сказал он прямо.

— Ну что ж, вот и отлично, — ответил Семен Поликарпович, смутившись.

— Что собираетесь делать? — спросил Алеша, и в этом вопросе Семен Поликарпович не усмотрел никакого двойного дна.

Он ответил:

— Вообще я инженер, и здесь мне предложили неплохое место, начальником производства. Это в ближайшем городе, а жить, я так решил, — он выделил это «я так решил», — лучше за городом.

— Верно, — согласился Алеша. — Верно решили.

— У вас и машина есть? — тотчас поинтересовался он.

— Разумеется, — ответил Семен Поликарпович.

Он неудобно чувствовал себя, отвечая на вопросы этого незнакомого юноши, на поведение которого он не знал точно, как реагировать, а знал только, что оно ему неприятно. Неприятно, что он вынужден идти у кого-то на поводу, совершенно потеряв права хозяина.

— В наше время без машины никуда, — прибавил он.

— Это хорошо, — ответил Алеша, — значит, надолго к нам?

— Посмотрим, но думаю, что так.

Светлана на протяжении всего разговора сидела молча на своем месте и смотрела на Алешу,

улыбаясь. У нее было круглое лицо с мягкими приятными чертами, длинные, чуть выющиеся, русые волосы, собранные сзади в хвост и большая грудь.

— Это хорошо, — повторил Алеша.

— Дом у вас хороший, — сказал Алеша после паузы, — жена чудесная, машина есть, работа приличная, так?

Семен Поликарпович подтвердил сказанное. Ему было неприятно это вторжение, он думал только о том, как побыстрее избавиться от непрошенного гостя.

— Все новое, — прибавил Алеша без вопроса, утвердительно.

— А вы знаете, у нас старики говорят, что прежде, чем начать новое дело, нужно построить храм, — неожиданно сказал он, — Богу то есть.

— Да, интересно, — Семен Поликарпович поправил на носу очки и посмотрел на Алешу так, как обычно ученый смотрит на муравья, проявившего чудеса разумного поведения. — И что же?

— Ничего. Я хотел узнать, известно ли вам об этом и что вы об этом думаете.

— Я думаю? Ничего не думаю. Как вы себе это представляете, позвольте? Чисто технически.

— Я не хотел сказать, что это обязательно должен быть настоящий храм, то есть из камня или из дерева, — понятно, что это дорого и доступно далеко не всем. Можно построить на бумаге, в чертежах, или просто в голове. Даже во сне, — прибавил он, — важно возвести этот храм. Вот что.

Семен Поликарпович смотрел на него изумляюще, отстраненно-заинтересованно, словно боролся внутри себя со скепсисом и раздражением от непонимания происходящего и одновременно с желанием узнать подробности.

— Непременнo нужно это сделать, — продолжил Алеша убедительно, — если хотите, чтобы ваше дело процветало и оставалось жить — я не говорю в веках, — он усмехнулся, взглянув в чересчур серьезное лицо Семена Поликарповича и тем самым разряжая обстановку, — но столько, сколько вам самому будет угодно.

— А, понятно, все ясно, — ответил Семен Поликарпович, — спасибо, что предупредили.

Алеша кивнул.

— Я всенепременнейше сделаю так, как вы сказали, — продолжал он.

Алеша снова кивнул.

После минутного раздумья в молчании, Семен Поликарпович вновь вернулся к вопросу:

— А это все равно, какой храм?

— Что значит все равно? — переспросил Алеша.

— Ну, я не знаю... христианский, буддийский или мусульманский, я имел в виду.

Алеша посмотрел на него со спокойным удивлением.

— Вашему Богу, наверное, не все равно, — ответил он.

— Ага, вот, значит, как...

2

С ТЕХ ПОР КАК Семен Поликарпович узнал про храм, эта мысль уже не отпускала его. Он думал о том наяву и грезил во сне. Затем Семен Поликарпович заметил, что каждую ночь ему снится один и тот же сон, как он сидит посреди широкой плоской площадки, которая напоминает чем-то ровно срезанную верхушку небольшого холма и размышляет о том, как хорошо было бы именно на этом месте построить храм. Стоящий на возвышении, он будет далеко открыт взглядам и дополнит собой словно незавершенный кем-то пейзаж. Он все мечтал, представляя в деталях, как он будет выглядеть, как смотреться здесь, среди густых зеленых лесов, и вдруг — храм. Чем дальше он думал, тем больше мечты эти и грезы наполняли его сердце воодушевлением. Впервые в жизни он, кажется, не сомневался в том, что следует делать, как поступить, какое решение принять, как будет лучше для всех. Он словно нашел свое предназначение на данном конкретном отрезке своего пути, но все никак не решался приступить к делу. Проблемы было две: Семен Поликарпович ничего не знал о строительстве, и Семен Поликарпович ничего не знал о Боге.

Его богом была физика и математика. Он знал наизусть множество мантр-формул, крепко затвердил молитвы-законы и верил в то, что мир открыт и познаваем, и что его легко возможно разложить на составляющие, а потом сложить обратно, ничем по сути не изменив, если только найти подходящий прибор. Семен Поликарпович любил приборы и полагался как на Бога на технический прогресс. Но храм науки — что-то типа МГУ им. Ломоносова — Семен Поликарпович строить отчего-то не хотел. Это хорошо в городе, размышлял он, а здесь, на природе, среди первозданных лесов нужно построить что-то изначальное...

Древний дольмен? Или может быть мечеть с голубым куполом, выложенным мозаикой и украшенным сорока семью тысячами сверкающих граненых звездочек из хрусталя? Или да-

чан в виде стилизованной китайской пагоды? Или костел с высокими окнами из витража и стремящимся вверх высоким сводом?

Семен Поликарпович представлял себе, как каждое из воображаемых им строений будет выглядеть на том месте, которое он выбрал для возведения храма, и что-то всякий раз не устраивало его, был какой-то тайный диссонанс, который Семен Поликарпович не мог объяснить себе иначе, чем словами: «Нет, не то, все не то, не то». Наконец, он решил построить православную часовню с одним куполом и колокольней с одним колоколом.

Решив, наконец, эту проблему, остаток той ночи Семен Поликарпович проспал спокойно, как младенец, и проснулся отдохнувшим и помолодевшим. Затем, целый день сидя на работе в своем кабинете начальника производственного отдела, он думал не о насущных делах отдела, но о своем личном деле, а именно: как же так получается, что ему всякий раз снится один и тот же сон с продолжением? и как странно выходит, что в этом сне он как будто совершенно другой человек? Данное противоречие казалось Семену Поликарповичу неразрешимым, потому что в реальности он не видел в себе никаких проявлений иной личности и не стремился их узреть. А сны на то и сны, что в них привидеться может что угодно, и размышлять об этом, собственно, нечего...

Едва решился один вопрос — что строить, тотчас встал другой — из чего строить. Из дерева? Или из кирпича? Или белокаменную? Или, может быть, из современных материалов: газосиликатный блок, или панели, или бетонный монолит? Но нет, все новейшие технологии Семен Поликарпович отверг как не отвечающие основной задаче возведения «чего-то изначального», как он определял это для себя. Выбор материала также имел под собой другие проблемы: где его брать, как доставлять на место строительства и как с ним работать. На вопрос «где брать» лучше всего отвечал кругом стоявший стеной вековой лес, стало быть, строить нужно было из дерева, но Семену Поликарповичу представлялось это сложным до чрезвычайности. Как рубить: в лапу или в обло? И потом, сруб не всякий поставит, а в одиночку этого сделать практически невозможно. Да еще без единого гвоздя... Нет. Сложить из кирпича? Тоже дело непростое. Ну, раствор, скажем, изготовить несложно: песок, цемент и вода. Ширина кладки — четыре кирпича, допустим. Фундамент в сечении будет, положим, восьмигранник, сориентированный по сторонам света, вход с востока, по всем стенам окна, купол не мажковкой, а шатровый...

За подобными рассуждениями проходила ночь.

Еще одна странность заключалась в том, что наяву Семен Поликарпович не имел ни малейшего представления о тех вещах, о которых рассуждал во сне с такой легкостью и все с большим пониманием дела. Этому он не мог найти рационального объяснения, полагаясь на полученное им — довольно обширное — образование. Что-то здесь было не так. Но вскоре Семен Поликарпович перестал упираться и ломать голову над этим неразрешимым вопросом. Впервые в жизни он решил отпустить ситуацию и с благодарностью пользовался «удачным стечением обстоятельств», как он это определил.

Едва только он пришел к этому непростому для себя решению, как тотчас заметил, что дело стало продвигаться быстрее, будто какая-то неведомая и невидимая сила взялась помогать ему. Стоило только Семену Поликарповичу решить, наконец, из чего будет строиться его храм, как на следующий день, точнее — ночь, он обнаружил на своей пустой широкой плоской площадке все необходимые материалы и инструмент.

«Так вон, оказывается, оно что!» — изумился Семен Поликарпович, сделав для себя очередное открытие и очередной простой, но неочевидный вывод из него о том, что чего хочешь, то, собственно, и получаешь, если сказать совсем уж по-простому. «Главное, точно знать, чего хотеть, — резюмировал он ситуацию, — а там, глядишь, оно само как-нибудь выйдет». Сердце его воодушевилось, когда он понял, что большую часть трудностей ему удалось счастливо избежать. О, это ли не чудо! С Божьей помощью.

Так впервые Семен Поликарпович упомянул имя Бога не всуе.

3

ПЕРЕЕХАВ ЗА ГОРОД, Светлана не оставила своих привычек давно замужней домашней женщины, изнеженной, забывшей, что такое трудности и — настоящая жизнь. Она сама не заметила, как постепенно мир ее сузился до кастрюль и десятка рецептов, привычных вещей и уборки в доме, телевизора и послеобеденного сна с книжкой, которую всегда читала вполглаза, так что в памяти оставались только отдельные слова и эпизоды, встраивавшиеся в ее поверхностный мыслесон.

Постепенно это состояние распространялось на всю ее жизнь, движения становились все медленнее, мысли короче, желания все более пусты...

Она почти перестала выходить из дома, даже за покупками — теперь муж привозил все необходимое из города — и сидела взаперти в прекрасном уютном и очень удобном доме, переставая отличать порой день от ночи и явь ото сна. Ей ничего не хотелось более, потому что она и так чувствовала себя счастливой. А счастье в нашей жизни все равно что победа, недоступное-недоступное изменчивое существо, птица, манящая жарким ясным светом, но имеющая два длинных проворных крыла, и победителем является тот, кто смог ухватить свою птицу за хвост и удерживать, или хотя бы выдернуть золотое перо. А победителей, как известно, не судят. Когда человек нашел свое счастье, глупо внушать, что это совсем не то, что ему нужно. Верно?

Алеша стал часто приходиться к ней в гости, появляясь из своей потаенной двери словно сам собою, без приглашения. Светлана была рада его появлению, которое никак не стесняло ее, а напротив, привносило в ее жизнь нечто свежее, новое и — странное.

Поначалу она по привычке пыталась развлечь нового гостя вежливым разговором, но быстро заметила, что подобные разговоры Алешу совсем не трогали. Он молча слушал, не поддерживая беседу, кивал, и смотрел на нее своими большими, как у олененка, темно-кариими глазами. Его лицо казалось ей прекрасным.

Светлане было непривычно общаться с таким гостем, и она не знала, как его принимать, но странным образом никогда не чувствовала неловкости рядом с его немногословным присутствием. Он приходил как будто только для того, чтобы быть здесь, с ней рядом, и ничего больше не требовал для себя, потому что этого было вполне достаточно. Его появление напоминало Светлане появление в доме нового домашнего зверька, который преданно ходит за хозяином следом и в то же время живет какой-то своей жизнью, за которой интересно наблюдать со стороны. Его хочется погладить и угостить чем-нибудь вкусеньким.

— Пойдем, выпьем чаю, — приглашала она.

Алеша соглашался и помогал накрывать на стол в гостиной. Затем они долго сидели друг против друга на стульях с высокими спинками. Светлана угощала его собственной выпечкой и вареньем собственного изготовления, наливала черный крепкий горячий чай. Алеша принимал угощение с благодарностью человека, способного оценить всякое дело и всякий труд по достоинству. Светлана в свою очередь была благодарна ему за это.

— Где ты работаешь? — поинтересовалась она.

— Нигде, — просто ответил Алеша.
— А чем занимаешься?
— Я — помощник.
— Чей помощник? — не поняла она.
— Просто — помощник. Я помогаю всем.
— Всем? Как это всем? Всем, кто просит? Или... — Она никак не могла нащупать нужное направление мысли.

— Если человек знает, о чем просить, он так же знает, как помочь себе, и может справиться сам, — туманно ответил Алеша. — Я помогаю тем, кто не знает. В основном. А тем, кто просит, тоже не отказываю, впрочем. Мне не сложно.

Светлана кивнула. Она все-таки не совсем понимала, о чем здесь шла речь.

— Тебе за это платят?
— Кто как, — спокойно ответил Алеша.
— Но... — Смысл никак не обнаруживался.
— Мне не нужны деньги, — пояснил он.
— Но как же ты живешь? На что?

Алеша посмотрел в ее прекрасные чистые серые глаза с длинными ресницами натурально черного цвета и усмехнулся.

— Я расскажу тебе позже.
Она улыбнулась, соглашаясь.
— Возьми еще печенье.

только времяпровождение, необходимость, данность, некая условность бытия. Если бы Семен Поликарпович взялся бы однажды словами описать то, что происходило, он скорее всего сам с собой не согласился бы, потому что в словах и определениях содержалось бы невозможное для него противоречие. Но он не старался облекать свой опыт в слова и задачи такой перед собой не ставил. Он принимал то, что происходило, отказавшись, наконец, искать тому причины и какие бы то ни было объяснения.

Когда фундамент был залит, Семен Поликарпович присел отдохнуть на краешек не пошедшей в работу доски. Он закурил сигарету и, довольный, любовался на проделанную им большую работу. «Теперь нужно дать застыть, — думал он. — А чтобы хорошо взялось, крепко, неплохо было бы еще пролить его водой как следует, да не один раз. Но где столько воды возьмешь? Тоже проблема. Из ближайшего ручья можно, конечно, натаскать, но это какой труд! Каждое ведро тащить в гору. Но что делать, придется. *Господи Иисусе Христе сыне Божий, помилуй мя грешнаго*, — вырвалось вдруг у него само собой, и Семен Поликарпович даже не успел удивиться, откуда произошли в нем эти святые слова, из какого корня проросли сквозь него наружу, к небу.

На следующий день зарядил дождь. Было видно, что дождь затяжной, на сутки, а может и более. Семен Поликарпович сидел на своей дощечке, укрывшись куском полиэтиленовой пленки, и наблюдал, как еще одну трудную часть работы совершал за него Господь. «*Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас*», — твердил он про себя, и сердце его наполнялось спокойствием и умиротворением. «Все в руках Божиих», — думал Семен Поликарпович спокойно, и мысль эта больше не казалась ему надуманной, как раньше.

5

АЛЕША ПОЛЮБИЛ приходит к Светлане в то время, когда она отдыхала после обеда, лежа с книжкой под пушистым пледом на просторной кровати. Он тихо появлялся из своей потаенной двери, бесшумно ходил по коврам, перебирал и рассматривал какие-то вещички на полочках и разговаривал вполголоса — для виду — или со Светланой, или сам с собой.

Странное состояние полусна-полуяви окутывало их и все вокруг, отчего пространство и время, запертое в нем, преобразалось, сливаясь воедино, замирало, начиная существовать

4

КАЖДУЮ НОЧЬ Семен Поликарпович возводил свой храм: копал траншею под фундамент, строил опалубку, таскал камни, месил и заливал ведрами раствор... Работа была как будто воображаемая, но самому Семену Поликарповичу так не казалось — уставал он вполне реально. И после ночи поднимался как после смены, отработанной на стройке. Мысли его путались. Жизнь во сне постепенно стала казаться более реальной, чем сама реальность, и, что самое важное, более значимой. Теперь он отсиживал смену на предприятии, как повинность, с трудом сдерживая свои мысли о дальнейшем строительстве и свои порывы. Его основная работа перестала интересовать его. Разумеется, ни с кем из сослуживцев он не обсуждал происшедшее с ним странное — он даже не знал, как назвать — приключение? На его языке образованного человека, верящего в науку, происходящее должно было быть обозначено только так: я видел сон. Но с некоторых пор Семену Поликарповичу стало не совсем понятно, кто кого на самом деле «снит»: он свой сон или сон — его самого. По логике выходило все-таки первое, а по ощущениям — явно второе. С некоторых пор «там» была его настоящая жизнь, а «здесь»

вещью-в-себе. Это было немного похоже на гипнотический транс, немного на сон наяву. Все, что происходило тогда, сложно было назвать происходящим в реальном времени, потому что это не имело продолжения после пробуждения.

Что именно не имело продолжения, можно объяснить, только прибегнув к тавтологии — именно сон. Сны можно помнить, но вряд ли возможно увидеть их вновь. Алеша был мастером таких снов. Они надолго оставались в памяти, непременно сохраняя вместе с собой и непреодолимое желание погрузиться в них снова. Ощущение от них было похоже на счастье, осознанное задним числом.

Когда она дремала, он осторожно ложился рядом с ней на широкую кровать поверх одеяла, словно избалованный непослушный щенок, которому все прощается за его слепую и доверчивую любовь к хозяйке. Он не дотрагивался до нее даже сквозь толстую материю пледа, ему достаточно было присутствия рядом, ее запаха — сладостного и свежего одновременно, теплого и нежного запаха цветущего персика, смешанного с запахом его отражения в воде.

Тонкая прядь ее волос, краешек уха... Ресницы вздрагивали — ей что-то снилось — он убрал руку, затем осторожно касался вновь.

Между ними не было ничего такого... Если это и была любовь, то исключительно платоническая. Тело существовало как нечто — не сказать, чтобы требующее отрицания — но как реальность другого порядка. И это новое и странное ощущение хотелось сохранить, и продлить, и сберечь. Хотя бы в памяти.

Когда она просыпалась, то обнаруживала, что Алеша бесшумно ходит по дому, рассматривая безделушки, перелистывая случайные книги. Она некоторое время наблюдала за ним, думая, что он не знает о ее пробуждении. Его присутствие наполняло ее сердце любовью и нежностью, и она немного стеснялась своих чувств... О, если бы только он знал, что ей снилось!

Затем ее сон постепенно рассеивался и отпустил Светлану в окружающую ее реальность. Алеша дожидался, чутко улавливая этот момент, и только тогда явно обнаруживал свое присутствие.

Она совсем не воспринимала его — этого странного мальчика — как нечто чужеродное в своем доме, в своей душе и в своей жизни. Он отчего-то казался ей неременной частью той новой жизни, в которой она оказалась не так давно — после переезда в этот дом. И он был чудесной частью, словно завершающей общую

картину — этаким затворный камень свода новых законов реальности.

— Кажется, я задремала, — говорила она, скрывая улыбку, адресованную только что виденному сну. — Пойдем, выпьем чаю.

Сидя в гостиной, Алеша пил крепкий горячий черный чай, а Светлана тем временем не стесняясь разглядывала его, стараясь узнать, что же он за странный такой человек, и что заключено в нем такого, что делает его необычным. Она никак не могла понять.

— Кем ты раньше работал? — спрашивала она. — Кто ты по профессии? Ты ведь кем-то работал, я знаю.

Алеша смотрел на нее своими спокойными глубокими черными глазами и отвечал серьезно:

— Я был жокеем. Много лет я скакал на ипподроме, и это было дело, которому я служил. А потом ипподром развалился, все хозяйство распродали под частных, и я ушел. С тех пор я предпочитаю помогать другим в их делах. Ничего другого мне не нужно.

— Если ты помогаешь всем, значит, ты многое умеешь. Это правда? — спросила Светлана, ожидая и не ожидая получить задуманный ответ.

— Я умею необходимое, — ответил Алеша. — Чаще всего этого бывает достаточно. Всегда недостаточно времени, которым можно было бы свободно располагать.

Светлана смотрела на него, так и не решив до конца, как ей стоит относиться к его словам — верить или нет?

— Это правда? — повторила она.

Вместо ответа Алеша сказал:

— Хочешь, пойдем сегодня со мной.

— Куда? — удивилась Светлана.

Предложение было неожиданным и застало ее врасплох.

— Помогать, — просто ответил Алеша.

— Но... — Она остановилась в замешательстве. — Ведь я ничего не умею.

— Я тебя научу, — ответил он и улыбнулся ободряюще. — Это не сложно.

Ей хотелось еще побыть с ним, и она легко согласилась:

— Хорошо, пойдем. А куда?

— Посмотрим бывший ипподром, — сказал Алеша.

— Это недалеко, — прибавил он, усмотрев в ее глазах очередное сомнение.

— Хорошо, пойдем. Только мне нужно переодеться, — сказала Светлана. — Что надеть?

— То, что не жалко будет испачкать, — ответил он.

КОГДА ОНИ ПРИШЛИ на ипподром, Светлана увидела совершенно новый, неизвестный, чужой и абсолютно чуждый ей мир. Она никогда не видела ни лошадей, ни коров, ни овец, ни даже кур живьем вблизи, а здесь лошади были повсюду: на беговой дорожке, в загонах, на полях, — и их количество показалось ей удивительным.

Они с Алешей шли по широкой асфальтированной дороге вдоль высокого и длинного здания манежа с огромными окнами почти во всю стену, и часто на пути им попадались всадники. Одни проезжали мимо молча, даже не взглянув в их сторону, другие останавливались, чтобы поздороваться с Алешей. Светлана с удивлением обнаружила, что в этом обширном хозяйстве, конца и края которому не видно было с той точки, в которой они находились теперь, Алеше знали почти все, и почти все относились к нему уважительно.

Когда они проходили мимо ворот, сделанных в живой изгороди и ведущих на большое песчаное поле, на котором тоже были лошади, неожиданно с той стороны послышался крик:

— Алеша! Алеша! Иди сюда!

Он тотчас свернул в ворота и, выйдя на поле, приблизился к группе стоявших на бровке людей. Они радостно приветствовали его, не без шуток, показавшихся Светлане достаточно грубыми, но на ее присутствие внимания никто не обращал, глядя сквозь нее как сквозь пустое место.

— Конь встал, подсядь, будь другом, — попросил Алешу один пожилой мужчина, по-видимому, тренер.

Кто-то тем временем кричал кому-то на поле, чтобы ехал сюда.

Когда подвели коня, Алеша легко вскочил в седло, спросил:

— Что делать?

— Продвину. Замыкается, черт-те что вытворяет, сил нет.

Красивый тонконогий конь гнул шею и плясал под Алешей, переминаясь с ноги на ногу, поднимаясь на дыбки, осаживая и принимая в сторону. Алеша сидел на нем легко, словно был продолжением конского тела, никак не мешал ему совершать свои замысловатые движения.

— Возьми хлыст! — предложил кто-то. — Пробей!

— Не надо, сейчас сам пойдет, — сказал тот человек, который попросил Алешу сесть на коня. — Его лошади любят.

И верно, через несколько минут конь легко и прямо двинулся вперед рысью, высоко подни-

мая и выбрасывая ноги. Смотреть на это Светлане было очень приятно, красивое движение лошади притягивало взгляд, и хотелось смотреть не отрываясь. Затем конь пошел галопом.

— Зайди на барьер! — снова попросил тот человек. — Вон впереди «чухонец» красный, попробуй.

Конь легко перемахнул через препятствие, откозлил и хотел было резко рвануть вперед, но Алеша спокойно удержал его и, объехав круг, завел на препятствие снова. Затем вернулся к бровке, спрыгнул с коня, огладил по шее и отдал.

— Руку надо сменить, — тихо сказал он.

— На кого я тебе ее сменяю? Приходи сам что ли...

— Нет, — он улыбнулся. — Я давно отошел от этих дел.

— Неправда. Человек, который знает лошадей, никогда от них не уходит.

Алеша не ответил.

— Нам пора, — сказал он.

Человек кивнул, пожал Алешину руку обеими руками:

— Спасибо! Заходи, всегда рад тебя видеть!

Светлана пребывала в восхищении от увиденного, красота и грация лошади и мастерство Алеша, в котором было так много легкости и так много простоты, поразили ее. Мир для нее начал сиять новыми гранями, это было чудесное, давно позабытое чувство: она вдруг ощутила всем своим существом, что этот мир велик и многообразен, что он безмерно щедр, бесконечно добр, и что в нем есть место всему. Она вспомнила, что так было когда-то в детстве, и от этого ощущения душа ее наполнилась чистой радостью бытия. Каждый шаг по ровной асфальтированной дороге доставлял теперь радость, каждый уловленный чутким ухом звук, каждый увиденный образ, легкое дуновение ветерка, незнакомый запах — все это она вбирала пустой, словно в одночасье освободившейся от давно скопившегося хлама душой. О, каким прекрасным показалось ей все вокруг!

На конюшне, куда они пришли, Алешу уже ждали. Это был грубый человек в грязном комбинезоне, неопределенного возраста и такой же неопределенной внешности.

— Я нашел, где можно взять дешевле, — сказал ему Алеша без предисловий, будто в продолжение прерванного минуту назад разговора. — Но там россыпью.

— Нам россыпушка не пойдет, — перебил его незнакомец.

— Мешки есть? На месте засыплем, — ответил Алеша, и его тон, а также то спокойствие и

отрешенность, с какими он умел пропускать ситуации через себя, никогда в них не погружаясь, как будто создавали некую невидимую и непреодолимую ауру, так что грубость и чернота жизни никогда не касались его.

— Четыре тонны? Сколько это возить? С ума сошел!

— Не горит ведь, — ответил Алеша с улыбкой. — Как управимся, так и управимся.

— К тому же у меня на сегодня есть помощница, — он указал взглядом на Светлану, и его собеседник, в свою очередь проследив его взгляд, довольно скептически посмотрел на нее.

Светлане его взгляд не понравился, она ощутила, словно ее облизали колючим кошачьим языком.

— Ну-ну. Дело твое, Алеша.

Помолчав, он прибавил:

— Еще пару человек тебе дам. До вечера, думаю, закончите, — в его словах прозвучала скрытая ирония.

Затем они погрузились в машину и поехали куда-то. Светлана с Алешей сидели в кабине рядом с водителем, а двое молодых парней — в кузове рядом с мешками и лопатами. Ехали по какой-то извилистой пустынной узкой дороге, время от времени переходившей в проселок. Светлана смотрела в окно на окружающий пейзаж, и сердце ее наполнялось радостью от каждого взгляда. Что такое природа она, казалось, давно позабыла. Для нее это было нечто существующее «где-то», помимо нее самой, помимо ее обычной жизни, а «единство с природой» давно стало для нее общим местом, обычным словесным оборотом, пустой фигурой речи.

Теперь, глядя на широкие поля и луга, растилавшиеся кругом и обрамленные, словно ковры бахромой, кромками леса, она ощущала, будто взглядом приникла к какому-то чистому роднику, из которого хотелось пить и пить эту чудесную живую воду. Парни в кузове что-то пели-орали во все горло, поминутно прерывая пение взрывами смеха. Светлана подивилась этой молодой удали и щедрости молодого здорового тела, не обремененного лукавым умствованием и знающим, казалось, на земле лишь радость. Это новообретенное ощущение так глубоко проникло вдруг в ее сердце, что она едва не расплакалась от восхищения. Ее изнеженная и ослабшая, иссохшая и словно сморщившаяся бедная душа не могла вобрать в себя всей силы тех впечатлений, которые обрушились на нее за такое короткое время. Простое созерцание широты раскинувшихся кругом полей, прорезанных узкой линией совершенно пустой дороги, потряхивание машины на ухабах и сильные

громкие голоса, кричащие-поющие глупые куплеты, — даже этого было чересчур много: сердце переполнилось восторгом до отчаяния, и за этим пределом оставалось только разрыдаться или же, забыв обо всем, так же броситься орать во все горло похабные частушки. Светлана, как ей казалось, не могла позволить себе ни того ни другого. Единственное, на что она отважилась, это молча взять Алешину руку, в тайной надежде на то, что его чуткое сердце сможет проникнуть во все хитросплетения неожиданно охвативших ее чувств и поможет разобраться, найти единственный выход...

Машина остановилась возле распахнутых ворот здания, подобные которому Светлана видела на ипподроме. Она вышла из машины и взглянула внутрь. В проходе конюшни вровень с решетками закрытых дверей пустых денников почти до самого выхода огромной горой было насыпано зерно. Невероятное количество этого золотисто-желтого зерна произвело на Светлану сильное впечатление. Казалось, оно неизменно, и хватит его на всю жизнь.

Парни вылезли из кузова, побросав предвзвешенно на землю лопаты и свертки с мешками. Один из них был невысокого роста, коренастый, с плоским веснушчатым лицом, он поминутно улыбался, и его улыбка с мелкими кривыми зубами была похожа на дырку в мешке. Второй был стройный, темноволосый, его лицо являло пример идеальной гармонии неидеального, то есть довольно неправильные сами по себе черты лица были правильно подобраны друг к другу, так что создавалось ощущение красоты, рождавшейся исключительно во время созерцания. «Такие лица, — подумала Светлана, взглянув на него, — наверное, любят художники».

Алеша сказал, что пойдет найдет хозяина и что можно начинать грузить овес в мешки. Парни слушали и согласно кивали головами, а Светлана стояла в стороне, поправляя сбившуюся косынку, и не знала, к чему себя приспособить. Алеша отчего-то не стал знакомить ее с парнями, но и с собой пойти не пригласил.

— Твоя что ли? — украдкой спросил темноволосый парень, оглядываясь на Светлану, и в его вопросе прозвучало недоверие вперемешку с завистью.

— Нет, соседка, — ответил Алеша без всякого выражения. — Взял на прогулку.

— Хм, — глаза его осветились внутренним радостным светом. Алешино равнодушие, деланого или настоящего, он не понимал и уж точно не разделял, а причин доискиваться не собирався.

— Ты полегче с ней, — осадил его заранее Алеша, словно разыгравшего скакуна. — Без шуток.

— Ага, — его глаза не потеряли все же того радостного блеска, но он еще раз с пристрастием посмотрел на Алешу. — Понял.

— Ничего ты не понял, — Алеша усмехнулся и направился прочь на поиски неведомого никому хозяина этой богатой россыпи зерна.

— Светка, дай конфетку! — шутил-заигрывал с ней парень. — А я тебя поцелую потом... если захочешь.

Он улыбался, глядя на нее открыто и насмешливо. От этих слов бледные щеки Светланы покрылись легким румянцем. Она сама от себя не ожидала такой глупой реакции на еще более глупые слова, и оттого покраснелась еще больше. Ей никогда не приходилось общаться с подобными людьми, она не знала, как держать себя с ними, не могла отличить, что говорилось в шутку, а что всерьез, и никогда не знала, как ответить. В том мире, в котором она жила, она привыкла думать, что у всякого поступка непременно есть причина и следствие, и каждое слово, каждое действие имеет определенное значение, там всему придавался свой смысл, а здесь, казалось, все было по-другому...

Она держала открытый мешок, а ребята двумя лопатами по очереди ловко сыпали в него зерно. Работа спорилась. Светлане все было в новинку, и ее вдруг охватила новая радость — никогда не ведомого физического труда. Она почувствовала каждую клеточку своего тела, и каждая клеточка радостно пела. О, как прекрасно было это чувство! И как счастлива была Светлана, открыв для себя этот чудесный, большой, живой мир! Благодаря этому счастью, охватившему неожиданно все ее существо, под его напором, непременно рвущимся к выражению в чем-то — в слове ли, в движении ли — как будто разрушились те барьеры, которые она старательно выстраивала вокруг себя всю свою жизнь...

Дело было не быстрым, но занятая работой и своими новыми впечатлениями, Светлана позабыла о времени и о том, что не приготовлен еще дома ужин и не выглажено белье. Время, за которым раньше она следила так же внимательно, как за погодой, теперь, казалось, потеряло свое основное известное Светлане качество регулятора жизни, и равные промежутки часов и минут перестали ощущаться как равные. Теперь вдруг время стало неделимым потоком неразрывного ощущения «сейчас»: каждое прожитое мгновение спокойно и безвозвратно уходило в прошлое, а в будущем не было ничего, кроме на-

стоящего. Каждая минута могла вмещать в себя час или пролетать за одну секунду — теперь это не имело никакого значения. Декартова система координат больше не натягивалась на нелинейный ландшафт бытия.

О, это чудо! Чудо!

Вернувшись домой в самый поздний, наиболее поздний для себя час, Светлана неожиданно обнаружила, что напрасно волновалась и что мужа еще не было дома. «Опять случилось что-нибудь на заводе», — подумала она и, наскоро приготовив ужин, уселась ждать Семена Поликарповича за накрытым столом. Привычная в таких случаях книга сегодня не шла в руки — Светлана была занята своими мыслями. Мысли ее были светлы: множество эпизодов не сливались теперь в один серый фон общего впечатления, как обычно бывало раньше, но существовали как бы отдельными клеточками большого единого тела. Каждую из них можно было внимательно рассмотреть, изучить и обнаружить множество деталей и подробностей, тысячу отличий. Именно этим и была занята Светлана вплоть до возвращения мужа.

Переполненная впечатлениями, Светлана спешила поделиться. Волнуясь, как бы ничем не выдать себя и тех сокровенных чувств, которые поселились теперь в ее душе и которые неизвестно как мог воспринять ее серьезный муж, она вскоре заметила, что Семену Поликарповичу было, видимо, все равно, о чем шла речь. Он слушал невнимательно, кивал невпопад и все повторял свое «ну-ну».

— Проблемы какие-то на работе? — сердечно спросила она, прервав неожиданно свой вдохновенный рассказ.

— Нет-нет, — восторженно, словно проснувшись Семен Поликарпович. — Все нормально, милая. Просто устал, наверное. Спать, пожалуй, пойду.

Ни проблемы на работе, которые, к несчастью, действительно обнаружились, ни глупые разговоры жены не вызывали больше в Семене Поликарповиче того участия, как принято было ожидать от него прежде. Теперь он был занят собственным делом. Он строил свой храм.

7

ЗАЛОЖИВ ПРОЧНЫЙ фундамент, Семен Поликарпович перешел к следующему этапу — к кладке. Он долго не мог решить, каким образом класть кирпич: со скрытым рядом, с забутовкой или равнослойно, как разделявать швы, как верно рассчитать чередование ложек и

торчков — в общем, много было вопросов. «*Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого*», — думал Семен Поликарпович, замешивая раствор, в тайной надежде на то, что Господь поможет ему и на этот раз.

С некоторых пор Семен Поликарпович не приступал к делам без молитвы. «Нужно построить свое сердце на Божий труд, тогда и рукам работается легче» — так однажды заметил он и трудился с тех пор не только руками, но и душой. Святые молитвы, никогда до того не слышанные им, сами собой нарождались в сердце и приходили на уста. Семен Поликарпович давно перестал удивляться этому, зато теперь удивлялся другому: как жил столько лет, буквально не ведая, что творит, не думая ни о чем, в суете, в заблуждении. «А ведь как был прав Алеша, — подумал Семен Поликарпович, с некоторым даже смущением в душе вспоминая свои разговоры с ним и тот тон, который сам он принял в них, ту позицию просвещенного наукой разума, который как будто заслуженно наделяет себя правом судить, что единственно есть правильно, а что ложно, правом отрицать как несуществующее все неохваченное им. — Видно, сам Господь послал мне этого мальчика, не иначе».

Поначалу кирпичи ложились криво, и Семелу Поликарповичу никак не удавалось выровнять их, как он ни старался. Он натягивал нитку по горизонту и по отвесу, проверял себя стократно, но результат не радовал. Трудное это дело. Мастерок в руке никак не лежал, раствор то и дело тек мимо, грязно заляпывая кладку, кирпичи валялись из рук, никак не хотели становиться по местам, вровень друг с другом. Семен Поликарпович глядел на дело рук своих, вздыхал, разбирал, отирал кирпичи травой и ветошью и клал заново без раздражения и без отчаяния в душе. «Дурное дело нехитрое, — говорил он себе, — а тут придется потрудиться, пока науку эту освоишь. Ничего не поделаешь, так она жизнь».

— Бог в помощь, — вдруг услышал он за спиной голос, показавшийся ему знакомым.

Семен Поликарпович обернулся, держа в одной руке мастерок, и непослушный кирпич — в другой.

— Ах, Алеша, это ты! Но откуда?

— Вот, пришел проведать, — ответил Алеша, приветливо улыбаясь, — узнать, не нужна ли помощь.

Семен Поликарпович отложил инструменты своего труда и сошел к Алеше со своей недоделанной стены.

— Здравствуй, друг мой! Рад тебя видеть, — Семен Поликарпович пожал протянутую Алешину руку. — Какими судьбами? Как ты здесь оказался?

— Пришел проведать, — снова сказал Алеша так, словно это было в порядке вещей. — Помочь, что нужно.

Семен Поликарпович гостеприимно замахнул рукавом дощечку:

— Присядь, — пригласил он.

Сам сел рядом, вытащил пачку сигарет, предложил Алеше, но тот отказался.

— Видишь, какое дело, — сказал Семен Поликарпович без продолжения.

Алеша молча кивнул. Продолжения не последовало, Семен Поликарпович безмолвно курил, с наслаждением выпуская клубы дыма. Когда сигарета закончилась, и он затушил бычок, и спрятал под дощечку, использовавшуюся вместо лавки, Алеша сказал:

— Пойдем, помогу тебе. Покажу, как делать.

Семен Поликарпович послушно поднялся и направился вслед за Алешей.

Первым делом Алеша проверил раствор.

— Гуще замешивай, — сказал он.

— Да я боюсь, встанет...

Алеша приготовил смесь, как нужно, без дальнейших объяснений.

— Как класть решил? — спросил он следом.

— Да вот... — Семен Поликарпович мог ответить только «как получится», но отчего-то вдруг перед Алешей стало ему стыдно так говорить.

— Хорошо, смотри.

С этими словами Алеша занял его место на стене, взял мастерок, ведро с раствором и кирпич.

— Смотри, — повторил он, и ловкими точно рассчитанными движениями настоящего мастера принялся выкладывать ряд.

Работал он вроде бы не быстро, без суеты и напряжения, с которыми сам Семен Поликарпович боролся с кирпичом и раствором, но выходило споро, ровно, чисто, красиво. Семен Поликарпович невольно загляделся.

— Ты понял, как делать? — спросил Алеша.

— Да, кажется... — неуверенно ответил Семен Поликарпович.

— Поднимайся сюда, — позвал его Алеша, и когда тот поднялся, стал учить. — Становись вот здесь.

Алеша встал за спиной Семена Поликарповича, взял его руки в свои и стал продолжать свою работу как будто руками Семена Поликар-

повича. Семен Поликарпович в свою очередь удивился силе и ловкости державших и направляющих его рук, и вдруг он ощутил, словно бы их точность и спокойное равновесие движения передалось и ему, как электричество по проводам. Как только это произошло, Алеша отпустил его.

— Теперь сам попробуй, — сказал он.

— Я понял, понял, как делать, — ответил Семен Поликарпович так радостно, словно совершил какое-то значительное научное открытие. — Понял!

Он стал самостоятельно продолжать, целиком охваченный этим процессом. Поначалу выходило у него не так ловко, как с Алешиной помощью, но все же и не так неуклюже, как до того. Закончив ряд, он слез со стены и оценил работу.

О! Сердце его запело, наслаждаясь увиденным: как хорошо!

Он хотел было поблагодарить Алешу за науку, огляделся, но Алеши нигде не было. Семен Поликарпович расстроился, созерцая в душе свою черствость и свой эгоизм, как ему казалось:

— Вот старый дурак! — корил он себя. — Так увлекся делом, а про Алешу-то и думать забыл. Старый дурак и есть.

8

СКОЛЬКО БЫ ТЕПЕРЬ Алеша ни приходил к Светлане в обеденный час, она никогда не спала. Сидя за столом, она старательно писала что-то в тетради.

— Что ты пишешь? — спрашивал Алеша, усаживаясь напротив нее на стул.

— Ах! — От неожиданности Светлана вздрагивала и тотчас закрывала тетрадь. — Это ничего... так.

По ее прекрасному, молодому, но словно еще помолодевшему лицу, по поведению, смеху без причины и такой же беспричинной тоске Алеша понимал, что Светлана пишет о любви. О своей любви. Он наблюдал, как на глазах она менялась, сбрасывая с себя надетый однажды образ молчаливой и незаметной жены уважаемого мужа, домашней тетери с медленным надушенным полным белым телом, обернутым в мягкие подушки, пледы, одеяла, скатерти и ковры.

Алеша молча сидел, ожидая, пока Светлана отрешится окончательно от своих сокровенных мыслей и снова вернется в ту реальность, в которой он ждал ее. С ее легким характером это происходило довольно быстро.

— Давай чаю выпьем? — неизменно предлагала она. — Я блинчиков напекла, с яблоками. Тебя угощу.

Алеша соглашался и как обычно помогал накрывать на стол.

— А ты пойдешь сегодня? — спрашивала Светлана как бы между прочим, но уже предполагалось, что спрашивает она про ипподром.

Алеша утвердительно кивал.

— А меня возьмешь?

Алеша кивал снова. Тогда Светлана оживлялась, принималась что-то говорить, рассказывать, смеяться своим исключительно приятным нежным смехом, напоминавшим легкие морские волны, которые набегают на берег одна за одной.

Алеша смотрел на нее и думал о том, как редко встречаются люди, абсолютно гармоничные во всех своих проявлениях: в любви, в гневе, в печали и радости, даже в измене. Он не мешал ей и всего лишь делал то, что от него требовалось.

Светлана же с удивлением для себя обнаружила в Алеше человека, рядом с которым она могла быть ровно такой, какая она есть. И с еще большим удивлением она обнаружила себя такую, которую сама никогда не знала, потому что всегда испытывала на себе чье-то влияние. Алеша же был для нее словно зеркалом, в котором она спокойно видела себя как есть, и это было ни хорошо, ни плохо, а просто было.

Далее идет пропущенная глава о любви. Эта глава пропущена не потому, что не была написана, а потому, что ее невозможно прочесть иначе, как только в своем собственном сердце...

Любовь Светланы была горяча, как пожар. Наблюдая со стороны, Алеша понимал, что это всего лишь мимолетная страсть, и что отношения эти не могут и не будут иметь для Светланы никакого продолжения. Но продолжение непременно будет в другом. Впервые в жизни ее душа как будто осмелилась сбросить оковы и, наконец, отправилась делать то, что было ей делать необходимо больше всего на свете.

9

НА УТРО Семен Поликарпович проснулся воодушевленным — его ночная смена удалась: он освоил мастерство кирпичной кладки и возвел два отличных ровных ряда храмовой стены. Жаль, что ночь пролетела так быстро...

Умывшись и одевшись, он вышел в кухню, где Светлана готовила ему завтрак. Семен По-

Поликарпович посмотрел на это дело, на утреннюю газету на столе, на жену в халате, на яичницу с беконом и понял, что воодушевление его на реальную жизнь не распространилось. А даже как будто наоборот... Он вспомнил, что теперь нужно ехать ему на завод, что там проблемы и, скорее всего, неразрешимые, как давно уже понял Семен Поликарпович, и посему никаких особых усилий по введению каких-то там временных мер предпринимать ему не хотелось. Не хотелось вникать во все это. И уж тем более думать о том, что он станет делать, если завод вообще закроют, временно или навсегда.

Он смотрел на жену и вдруг необычайно ясно увидел, как в ней неуловимым образом что-то изменилось. Что изменилось конкретно, Семен Поликарпович определить бы точно не смог, но это было и не важно, а важно то, что он почувствовал: сердце ее не принадлежало больше ему, а принадлежало кому-то или чему-то другому. Эта отчетливая мысль-догадка-ощущение странным образом не пробудила в нем ожидаемых сильных чувств, а всего лишь дополнила общий фон тоски, никогда до того момента Семену Поликарповичу в том виде, в каком она проявилась теперь, не ведомой.

«Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша», — подумал Семен Поликарпович и с тем, не доев свой завтрак и даже не развернув газеты, вышел во двор.

На дворе он неожиданно столкнулся с Алешей.

— Здравствуй, Алеша! — тепло и радостно поприветствовал Семен Поликарпович.

— Как дела, друг мой? — Он хотел было тотчас исправить свою былую оплошность и поблагодарить Алешу за помощь, но вовремя сообразил, что то было во сне, в его сне, и что на самом деле Алеша не имеет к этому никакого отношения. Возможно...

— Здравствуйте, Семен Поликарпович, — ответил Алеша, ничем не поддержав его радужный тон. — Вы сегодня рано.

Алеша говорил и вел себя как обычно, но сегодня Семен Поликарпович посмотрел на него как будто другими глазами, как будто узнал в нем другого человека, которого Алеша скрывал внутри себя. Он хотел бы вновь поговорить с тем Алешей, который приходил к нему во сне. А с этим он не знал, как быть.

— Да вот, вышел воздухом подышать, — ответил он неопределенно.

— А, — сказал Алеша.

Помолчали.

Семен Поликарпович испытывал какое-то странное неудобство и напряжение в присутствии «этого» Алеши, а сам Алеша напротив держался как всегда запросто.

— Как ваша работа? — спросил он, и Семен Поликарпович чуть не вздрогнул от этого вопроса и едва не спросил: «Какая именно?», но удержался буквально на самой границе известного ему здравого смысла.

— Потихоньку, — ответил он, — продвигается.

— Рад слышать, — ответил Алеша и улыбнулся.

В улыбке Алеши Семену Поликарповичу показалась усмешка, и он подумал тотчас: «Да ведь он все знает, он был там, сам собою был!» Потом ему пришла другая мысль: «А что, если то, что со мной происходит, и не сон вовсе?» Он украдкой посмотрел на свои руки — но не похоже было, чтобы эти руки знали черную работу. Затем он посмотрел на Алешу. Никакого ответа не было написано на его лице, и Семен Поликарпович окончательно смутился. Как хотелось ему теперь же открыть Алеше сердце и спросить, выведать все, как есть, и все рассказать, что на душе, поделиться... но что-то мешало ему поступить таким образом, скорее всего — его же собственная мысль о том, что делать этого не стоит, потому что...

Мало ли куда могут фантазии завести человека. А нужно смотреть на вещи здраво, не позволять себе слабости и не надеяться, что реальный мир может вдруг сам собою измениться черт его знает в какую сторону.

Семен Поликарпович окончательно пришел в себя. Странное наваждение прошло.

— Ну, будь здоров, — сказал он Алеше, собираясь снова зайти в дом.

— Да, до встречи, — так ответил Алеша, и этот его ответ снова показался Семену Поликарповичу странным.

«Сказал бы он «до свидания» — другое дело, — думал он, — а тут «до встречи», с чего бы? Не было у нас с ним никаких встреч. Зачем же тогда говорить?»

Семен Поликарпович понял только одно: что окончательно запутался и усилием воли прекратил дальнейшие рассуждения на эту тему. Он сел в машину и поехал на работу.

Каждый день Семен Поликарпович неустанно работал на своей стройке. Чем больше разваливалась его новая жизнь, ради и во имя которой он, собственно, и взял на себя этот большой труд, тем только с большим усердием возводил он стены своего храма.

Пресвятая Троице, помилуй нас; Господи, очисти грехи наша; Владыко, прости беззакония наша; Святый, посети и исцели немощи наша, имене Твоего ради. Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Алеша приходил к нему помогать. С тех пор, как Семен Поликарпович отважился открыть ему свое сердце, Алеша стал его другом. Он приходил почти каждый день — или каждую ночь, — стоял под стеной, подавал Семену Поликарповичу необходимый инструмент, подносил раствор и всегда охотно отвечал на вопросы. Сам по себе Алеша был немногословен, и если его не спрашивали и ни о чем не просили, сидел спокойно на дощечке и смотрел, как движется дело и в какую сторону.

Семен Поликарпович был несказанно рад этой дружбе. Он старался ничем не проявлять своих чувств, но внутри ощущал бесконечное счастье от этих встреч, даже если большая часть времени проходила в работе и в молчании. Одно только присутствие Алеши рядом наполняло его сердце душевной теплотой и радостью, светлой, как летнее небо над головой. Он ощущал, что не один больше и что дело, которое он совершает, возможно, единственное из всего, сделанного им не пропадет всуе, не изветшает, не истратиться, не потеряет свой смысл даже тогда, когда он закончит его и отрешится от сделанного ради чего-то другого. Дух Семена Поликарповича укрепился верой, не только в Господа нашего Иисуса Христа и Пресвятую Деву Марию, но и в себя самого как часть великого божественного провидения. Своей заслуги, однако, он в том не видел.

Часто глядя с высокой стены вниз на Алешу, который сидел под ней в спокойствии и молчании, словно погруженный в какие-то глубокие свои мысли, Семен Поликарпович непременно ощущал в нем какую-то незримую силу и поддержку, которая эта сила оказывала ему. «Станный мальчик, — думал Семен Поликарпович, — и славный».

Семен Поликарпович называл Алешу мальчиком только про себя и больше по привычке — по возрасту, но на самом деле мальчиком его никак не считал. Было в нем нечто удивительное, какое-то странное свойство натуры, что был он как будто без возраста — человек — и держал в себе личность, по силе превышающую личность Семена Поликарповича многократно, отчего сам Семен Поликарпович долгое время не мог приспособиться к нему, научиться воспринимать его, с одной стороны, запросто, а с

другой — с доверием. «Эдакий мудрый младенец, — так думал Семен Поликарпович, — заключающий в себе извечную тайну мира, и смотрящий кругом своими огромными глазами, словно через величайшую призму того, что знает изначально. И хочется выведать у него, что он там себе знает, но младенец не может сказать, потому что не умеет пока говорить. А когда научится, так потеряет то, что заключает в себе его безмолвие. Как будто с каждым выученным словом утекает определенное значение. Kleишь-kлеишь коробочки для даров, а когда склеишь, обнаружишь вдруг, что все они пусты...»

10

СКОЛЬ ВЕРЕВОЧКЕ не виться, а конец будет. И вот наступил тот решающий день, когда Семену Поликарповичу осталось только водрузить крест на крышу возведенного им храма. Крест он изготовил еще вчера, а сегодня нужно было установить. Это было завершающее дело в строительстве, и Семен Поликарпович не спешил приступить к работе.

Сегодня он долго сидел на своей дощечке, покуривая и созерцая плод своего труда. Он размышлял. Берясь за дело, Семен Поликарпович даже и помыслить себе не мог, что из этого дела выйдет и выйдет ли хоть что-то. Теперь храм стоял перед его глазами таким, каким был задуман, и Семен Поликарпович, до конца не веря собственным глазам, вспоминал, казалось, каждый камень, заложенный в фундамент, и каждый кирпич, заложенный в стену. Да, он совершил большой труд. Но...

Семен Поликарпович решил не вдаваться в подробности, пока мысли не завели его в какую-нибудь ненужную сторону, и, повесив на плечо крест, стал взбираться по лестнице, собственно-ручно изготовленной им из двух еловых хлыстов, на крышу. На крыше была закреплена другая лестница поменьше, ведущая к коньку. В коньке был уже сделан специальный паз, в который Семен Поликарпович должен был вставить крест и закрепить его там. Так Семен Поликарпович и сделал. Крест хорошо встал, так что подгонять по месту ничего не пришлось, чему Семен Поликарпович был несказанно рад. Ну, все!

Он спустился на землю, отошел, на сколько было возможно, еще раз осмотрел дело рук своих и нашел, что это дело хорошо весьма. Ничего Семену Поликарповичу не захотелось ни убавить, ни прибавить, а хотелось только поделить-

ся своей радостью. Его душа теперь пела, словно птичка, вылетевшая из клетки и ощутившая вновь необходимость и силу своих крыльев.

Он с нетерпением ждал, когда придет Алеша, однако на этот раз его отчего-то все не было, и Семену Поликарповичу пришлось долгое время проживать свою радость в одиночестве. Когда первая волна схлынула, он решил пойти вскипятить чаю на таганке. Близилась осень, и без работы сидеть становилось прохладно. Серое небо было неласково, тучи шли совсем по-осеннему, хмуро, так что казалось, что это навсегда, и солнце уже не выйдет, не согреет, и единственное, чего остается ждать, — это косых дождей и холодных ветров.

Пока Семен Поликарпович возился с огнем, устраивал таганок и котелок на нем, он немного отвлекся от непреодолимого желания поделиться с кем-нибудь своей радостью. Весело потрескивали дрова в костре, ясно горело пламя, и у Семена Поликарповича было тепло на душе. Тепло и спокойно. Задумавшись о чуде, которое сотворил своими руками — а иначе, как чудом не мог он назвать высившееся перед ним строение храма — Семен Поликарпович вознес молитву Господу: *Благодарю Тя, Господи Боже мой, яко не отринул мя еси грешнаго, но общника мя бытии святых Твоих сподобил еси*, — и не заметил, как появился Алеша. Семен Поликарпович обрадовался его приходу, однако с появлением Алеши мысли его приняли иной оборот.

— Вот ты говорил, что храм нужно построить для того, чтобы дело процветало, так? — спросил он, подавая ему кружку с кипятком, и Алеша утвердительно кивнул и в ответ и в благодарность.

— А что получается? Завод встал, жена изменяет... — тут Семен Поликарпович хитро посмотрел на Алешу. — Уж не с тобой ли?

Алеша ответил прямо:

— Нет, не со мной.

В лице Семена Поликарповича мелькнуло микровыражение «а жаль», но он быстро свернул с этой темы к основному вопросу:

— Как же так получается? Выходит, наоборот все?

— Чем выше здание, тем прочнее должен быть заложен под него фундамент, — ответил Алеша. — Чем важнее дело, тем лучший храм нужно возвести в Его честь и во славу Его.

— Так пока его возводишь, дело-то, дело-то рушится! — воскликнул Семен Поликарпович в сердцах. — Я вот ведь о чем говорю!

Он встал со своего места и принялся ходить вокруг костра.

— Это время, отведенное на размышление, — спокойно ответил Алеша. — Укрепиться в намерении необходимо до того, как начнешь что-то делать. Может статься, что по окончании строительства, ты разочаруешься в том, во имя чего строил храм. Ты не захочешь продолжать, а результатом твоей работы будет не жалкая куча наломанных дров, но храм Богу твоему, во славу. Труд не пропадет даром, но укрепит твое сердце, волю и дух, и будет стоять на радость всем, не только тебе. Ты получишь результат, которого не искал изначально, но который только и был нужен только тебе. Понятно?

Семен Поликарпович присел в раздумье рядом с Алешей. Затем он обнял его и похлопал по плечу.

— А ведь ты прав, друг мой, — сказал он радостно. — Во всем прав! Откуда только ты выискался такой на мою голову? Уму не постижимо. Однако я благодарен тебе за все. За помощь, за науку.

— Я рад, что ты нашел, что искал, — ответил Алеша с большой уверенностью в голосе. — Очень рад.

— Постой, — остановился Семен Поликарпович в своих размышлениях. — А ты что ли все про меня знаешь?

Алеша спокойно смотрел на Семена Поликарповича, взглядом предлагая продолжать разговор.

— Ты что ли понял уже, что я надумал? Или нет? Отвечай.

— Понял. Давно понял, — он помолчал, а потом прибавил: — Но я и знал. С самого начала знал. Иначе не стал бы тебе помогать.

— Это почему? — Семен Поликарпович говорил с восходящей интонацией, так что вопросы получались такими, будто он сам давно знает на них ответ, но хочет проверить собеседника — знает ли тот.

Алеша не ответил. Он смотрел на творение рук, ума и духа Семена Поликарповича и был несказанно рад. Храм вышел одухотворенный, чудесный, изящный, но и скромный, простой, лаконичный, а самое главное — живой. «Вот оно живое вместилище Бога, — подумал Алеша. — Как славно».

— Спасибо тебе, Семен Поликарпович, — проговорил он вместо ответа на заданный вопрос. — Потрудились ты на славу. И это тебе зачтется.

Семен Поликарпович вместе с Алешей какое-то время созерцал свое творение, а потом сказал вдруг:

— А я ведь решил уходить. Вот что, Алеша.

Алеша медленно перевел на него свой взгляд:
— Куда же ты пойдешь? — спросил он.

— Пойду храмы строить, по всей земле, — торжественно произнес Семен Поликарпович. — Докуда сил хватит дойти, дойду.

Алеша кивнул. Они помолчали.

Затем Семен Поликарпович сказал воодушевленно:

— Ты знаешь, сколько теперь радости во мне! Сколько сил! И сколько всего сделать хочется! Сколько идей! Это ведь только начало. А сколько еще ждет впереди... — Он мечтательно оглядел одним взглядом небо и землю. — Сколько ждет впереди, мой друг!

Потом Семен Поликарпович снова обнял Алешу за плечи.

— Эх, Алешка, а ведь ты мой друг, — сказал он с таким же точно выражением, как однажды

сказал сам Алеша: «А ведь мы с вами соседи», — настоящий друг! Понимаешь?

Алеша кивнул.

— А теперь мне пора.

Они поднялись, протянули и пожали друг другу руки, обнялись, побратались, посмотрели друг на друга.

— Только ты не ходи за мной, Алеша! — сказал Семен Поликарпович серьезно. — Не пойдешь?

— Нет, — Алеша отрицательно покачал головой, улыбаясь по-доброму и чуть насмешливо. — Не пойду. Теперь ты сам, Семен Поликарпович, справишься. Давай, удачи тебе!

— Присмотри за Светланой, — попросил Семен Поликарпович на прощание. — Жениха ей хорошего, что ли, присмотри.

Алеша хотел было ответить, но смолчал.

Мысли его были светлы, и легко на сердце.